

— Неужели тебе не жалко меня, ведь я переживаю из-за тебя и Ицзэ, — батюшка тяжело вздохнул. В этот раз он действительно был вне себя от ярости.

— А меня, значит, не жалко? — Фу Кунь с разочарованием посмотрел на батюшку.

— А чего тебя жалеть? Ты сам во всё это ввязался. Скажи мне, где ты набрался такой смелости? У тебя даже шина с руки не снята, а ты уже полез драться со взрослыми? — батюшка нахмурился. — Если не возьмешься за ум и не укротишь свой нрав, еще не раз наживешь себе проблем.

Фу Ицзэ весь вечер молчал. Кроме того раза, когда после ужина он отпросился в туалет, а на самом деле пошел покормить щенка, он не проронил ни слова.

Перед сном матушка, по привычке, закрыла дверь в их маленькую комнатку и проговорила:

— Спокойной ночи, мои маленькие сокровища.

— Спокойной ночи, старое сокровище, — улыбнулся Фу Кунь и закрыл глаза.

Фу Ицзэ, свернувшись калачиком под одеялом, теребил край трусов Фу Куня и продолжал молчать. Фу Кунь решил, что Фу Ицзэ, должно быть, сильно напуган, и немного пожалел, что сегодня был таким несдержанным.

— Ицзэ, — позвал он брата.

Тот продолжал крутить в пальцах ткань его трусов, но не ответил.

— Эх, спи давай.

Следующий месяц Фу Ицзэ стал еще сильнее липнуть к брату, но говорил при этом всё меньше. Фу Кунь не понимал причин, а на вопросы брат не отвечал. Он предположил, что того задели слова тети Лю про воришку, или, возможно, Фу Ицзэ сам довел себя до истощения: каждый день он откладывал свое яйцо якобы «на потом», а сам отдавал его щенку по кличке Дюсю, из-за чего стал слабым и молчаливым.

С неразговорчивым братом было скучно, поэтому Фу Кунь тоже начал каждый день говорить, что съест яйцо позже, а потом, притворившись сытым, подсовывал его Фу Ицзэ. Правда, теперь он пристально следил за ним, пока тот не проглатывал еду — боялся, что малец опять скормит всё Дюсю.

Но даже несмотря на это, Фу Ицзэ был немногословен. Каждый день он послушно ходил с Фу Кунем в школу, послушно ел, спал и делал уроки. Единственное, что хоть немного утешало Фу Куня, — брат перестал противиться, когда Сунь Вэй сажал его на раму велосипеда. Правда,

после того самого первого раза, когда он назвал Сунь Вэя «братом», он больше не произносил этого слова, обращаясь к нему исключительно по имени.

Сунь Вэя это сильно задевало. Фу Ицзэ был для него как плюшевый мишка: что бы он ни говорил — мол, Фу Кунь твой брат и я тоже тебе как брат, — тот лишь широко раскрывал глаза, а потом снова выдавал: «Сунь Вэй».

— Оставь ты его, — Фу Кунь вовсю веселился. Сегодня у него было отличное настроение: с руки наконец сняли шину. Ощущение свободы в руке заставляло его улыбаться без видимой причины. Даже сидя на дорожном ограждении, он не чувствовал холода. — Где проведешь зимние каникулы?

— Поеду к бабушке, — вздохнул Сунь Вэй. — Только вот, если не получу на итоговых экзаменах хотя бы девяносто баллов, никуда меня непустят.

— Несчастный, — хмыкнул Фу Кунь.

Сам он за оценки не переживал: пусть и не был примерным учеником, набрать свои девяносто баллов для него не составляло труда. К тому же батюшка с матушкой требовали от него лишь «удовлетворительно». Сейчас его мысли были заняты лишь приближающимися каникулами и Новым годом — вкусной едой и новыми обновками...

— Ицзэ, — Фу Кунь спрыгнул с ограждения и выудил из портфеля пакетик с «дьявольскими» леденцами. — Пробовал такие?

Фу Ицзэ взглянул на конфеты и покачал головой.

— Открывай рот, — улыбнулся Фу Кунь, доставая одну.

Фу Ицзэ показалось, что брат улыбается как-то странно, но послушно открыл рот: перед едой он устоять не мог. Фу Кунь положил леденец ему на язык. Конфета была сладкой, без какого-либо странного привкуса или эффекта. Фу Ицзэ решил, что это вкусно.

Через некоторое время Фу Кунь и Сунь Вэй, посмотрев на него, расхохотались.

— Маленькое чудовище с синим языком, — Фу Кунь щелкнул его по лбу. — Покажи-ка брату язык.

Фу Ицзэ в замешательстве вытаращил глаза.

— Сам посмотри, — Фу Кунь открыл пенал и поднес к лицу брата зеркальце.

Фу Ицзэ заглянул в зеркало, открыл рот и застыл в изумлении.

— Фу Синий Язык, — поддразнил его Сунь Вэй.

Фу Ицзэ вытаращил глаза еще сильнее. Его язык окрасился в какой-то сине-зеленый цвет, от чего у него даже челюсть отвисла. Он долго не мог оторвать взгляд от зеркала.

Фу Кунь посмеялся, но, заметив, что брат до сих пор не двигается — словно окаменел от страха, — быстро закрыл пенал и прикрыл ему рот ладонью:

— Ицзэ? Всё в порядке, это просто краска, скоро пройдет.

Фу Ицзэ молчал, не выражая никаких эмоций, словно застыл.

— Неужели так испугался? — Сунь Вэй тоже занервничал и пихнул Фу Куня. — И ты хорош, он же пугливый, а ты такое придумал.

— Я в первый раз его пугаю! Откуда мне знать, насколько он пугливый! — засуетился Фу Кунь, отбросил портфель и присел перед братом.

— И... — хотел было Фу Кунь сказать что-то успокаивающее, как вдруг Фу Ицзэ обхватил его шею, и прежде чем тот успел среагировать, Фу Кунь почувствовал на щеке влажное тепло.

Фу Ицзэ со всей силы лизнул его в лицо.

— Ты чего! — Фу Кунь отпрянул.

Фу Ицзэ внимательно посмотрел на его лицо, но оно не изменило цвет, и он заметно расстроился.

— Ты что, меня разыграть решил? — догадалось Фу Куня. Он вытер лицо и рассмеялся: — Глупыш, лизать бесполезно.

— Целовать надо, — добавил Сунь Вэй.

Фу Ицзэ обычно не обращал внимания на слова Сунь Вэя, но в этот раз послушно подался вперед и чмокнул Фу Куня в щеку. Снова посмотрел — эффекта нет. Разочарованный, он присел на корточки и принялся тыкать пальцем в снег.

— Дурак ты, — Фу Кунь пнул Сунь Вэя. — В следующий раз дай своей сестре меня поцеловать.

— Бесстыдник, — Сунь Вэй бросил портфель на землю. — Будем играть в карты?

— На таком холоде... — засомневался Фу Кунь. Но с тех пор как повредил руку, он толком не играл, да еще и вечно таскал с собой Фу Ицзэ. Теперь рука зажила, дом был рядом, он потер ладони и кивнул. — Выиграю у тебя двадцать карт — и по домам. Ицзэ, иди-ка ты домой, холодно. Как только я его до слез доведу, сразу приду.

— Угу, — кивнул Фу Ицзэ и, развернувшись, пошел прочь.

Фу Кунь проводил его взглядом и усмехнулся: ушел так решительно — сразу видно, что спешит тайком навестить Дюсю.

Фу Кунь и Сунь Вэй присели на бетонную площадку рядом с воротами двора и достали свои карты. В процессе выбора карт Фу Кунь вдруг услышал пронзительный визг со стороны жилого корпуса и резко вскинул голову.

— Твой брат? — Сунь Вэй тоже услышал.

Не дожидаясь ответа, следом раздались отчетливые крики Фу Ицзэ, полные слез. Фу Кунь бросил карты, даже не вспомнил про портфель и со всех ног бросился внутрь двора.

В общежитии автобусного парка, в этих старых домах-коридорниках, жили отнюдь не начальники. Сплошь пенсионеры, получающие пособия, да такие семьи, как у Фу Куня, годами ждущие распределения жилья.

Матушка говорила, что окружение сильно влияет на людей: большинство детей из этих домов ничего путного из себя не представляют. Те, кто постарше, лет по десять-двадцать, либо идут работать на место родителей, либо болтаются по улицам. Единственным достойным был Ся Фэй, но из-за слабого здоровья он только и делал, что сидел дома и лечился.

Среди ребят помладше, ровесников Фу Куня, тоже не было видно никого, кто стремился бы к учебе. Фу Кунь, хоть и был хулиганом, с другими ребятами из дома не водился: считал их глупыми, только и знающими, что дразнить животных да бестолково носиться.

Особенно его бесил вожак этой шайки — Ло Ци, внук тети Ли. Черный и толстый, на полголовы выше Фу Куня. Фу Кунь терпеть его не мог и про себя называл Большим Глупым Медведем. Этот тип был еще противнее Ван Чжицзяна.

Сегодня после школы Большой Глупый Медведь со своей свитой носился по двору, но, не найдя забавы, заскучал. Вдруг за домом раздался лай собаки. Хотя прозвучало всего два тихих тьяканья, он мгновенно оживился.

В куче сухой травы за домом Медведь обнаружил небольшого желтого пса, привязанного к

двери подсобки, с которой давно сняли петли. Веревка порвалась от одного рывка. Медведь попытался увести собаку, но та уперлась, расставив лапы, и наотрез отказалась двигаться.

Медведь, пристыженный перед компанией, решил доказать, что может заставить собаку слушаться, и потащил ее силой. Пёс отчаянно сопротивлялся, пятась назад. Медведь просто побежал, волоча животное за собой под визг и крики остальных детей.

После пары кругов по двору собака выбилась из сил, начала спотыкаться и падать. Медведю стало скучно, и он начал крутить пса на веревке вокруг себя, выкрикивая: «Лети-и-и!»

Закружившись до головокружения, он вдруг услышал чей-то крик, а следом получил сильный удар в ребра. От неожиданности и так пошатнувшийся Медведь рухнул на землю.

Не успел он подняться, как на него набросилась маленькая фигурка. Его начали колотить по лицу — не то чтобы было больно, но Медведь на мгновение растерялся. Увидев, что это младший брат Фу Куня, он пришел в ярость, вскочил, отшвырнул Фу Ицзэ и прижал его к земле:

— Псих! Я тебя убью!

— Моя собака... — Фу Ицзэ плакал и отчаянно отбивался руками и ногами.

Стоящие вокруг дети не решались вмешаться: драки со взрослыми чреваты наказанием, а Фу Кунь — парень опасный, хотя Медведь его и не боялся, остальные — очень даже.

Когда Фу Кунь примчался, первым делом увидел придавленную к земле собаку и Фу Ицзэ, который плакал, пытаясь вырваться из-под Медведя. Вся кровь ударила ему в голову. Он подбежал и с размаху пнул Медведя по лицу, сбивая того с брата.

Сунь Вэй помог Фу Ицзэ подняться:

— Такой здоровый лбина, а пристал к такому маленькому! Крутой, да?

Медведь вытер лицо, ничего не ответил и бросился на Фу Куня, пытаясь повалить его на землю. У него было преимущество в весе, и хотя Фу Кунь был довольно высоким, он был худощав и сразу оказался на земле. Но Фу Кунь — не Фу Ицзэ. Драки хоть и не были его обычным делом, но случались часто. Падая, он подогнул ноги и коленом ударил Медведя в ягодицы.

Медведь, по инерции продолжавший давить вперед, от этого удара полетел носом вниз. Ему пришлось выставить руки, чтобы не врезаться лицом в землю. Сунь Вэй не дал ему времени опомниться и пнул в бок. Фу Кунь воспользовался моментом, перевернул противника и, оседлав его живот, с размаху вlepил пощечину:

— Смеешь бить моего брата!

— А вот и ударю! — Медведь вцепился в Фу Куня.

Сунь Вэй не оставался в стороне. Он всегда был заодно с Фу Куном: если тот дрался — дрался и он, если тот бежал — бежал и он. Сейчас он тоже бросился в гущу сражения.

Наконец, шум на улице слышали взрослые, готовившие ужин, и выбежали наружу. Сяо Шучинь выбежала первой: она знала, что если в их дворе шум — значит, там точно замешан ее драгоценный сын Фу Кунь. Она даже не вглядывалась, а сразу закричала:

— Фу Кунь!

Тот, ослепленный яростью, ничего не слышал. Зато Сунь Вэй услышал и остановился, чтобы пожаловаться:

— Он первый ударил Фу Ицзэ! И собаку чуть не убил!

— Собаку? — Сяо Шучинь замерла и увидела Фу Ицзэ, который сидел в стороне, заливаясь слезами и прижимая к себе грязного щенка. — Чья собака?

— Собака Ицзэ! — наконец услышав голос матушки, крикнул Фу Кунь и снова ударил Медведя.  
— Я тебя убью!

— Встать! — скомандовала матушка.

— Нет! — Фу Кунь впервые так решительно возразил ей.

Чжан Цинкай, выбежавший следом за матушкой, подошел и за шкирку поднял Фу Куня. Медведь попытался вскочить, чтобы напоследок пнуть Фу Куня, но Чжан Цинкай слегка приподнял ногу, и Медведь врезался в его колено.

— Жить надоело? — тихо бросил Чжан Цинкай.

Медведь замер, продолжая, однако, что-то бурчать себе под нос.

Фу Куню не нравилось, что его уже второй раз за месяц уводят с поля боя, но, встретившись взглядом с матушкой, он тут же понурил голову. Конец: кажется, только что он ей дерзил! Неизвестно, как она его теперь накажет — может, заставит бросаться под автобусы, чтобы все пассажиры аплодировали его «героизму»...

Увидев, что сын больше не сопротивляется, Чжан Цинкай отпустил его. Фу Кунь подбежал к Фу Ицзэ. Тот все еще обнимал щенка. Вместо того чтобы сразу обнять брата, Фу Кунь стал вытирать ему слезы:

— Не плачь, собака жива?

— Жива... — Фу Ицзэ плакал так горько, что слезы никак не заканчивались.

Матушка не стала сразу утешать Фу Ицзэ, а подошла к Медведю и вежливо спросила:

— Почему ты мучил собаку моего сына?

— Кто же знал, что она чья-то! Думал, бродячая! — Медведь отвернулся и, заметив бегущую к ним тетю Ли, закричал: — Бабушка!

— Даже если бродячая, разве можно так издеваться! — вдруг рявкнула матушка.

— Ой, — тетя Ли испугалась. — Шущинь, ну полно тебе, это же просто собака.

— А почему ты ударил моего сына? — матушка сменила тон на мягкий.

— Он меня толкнул.

— А почему он тебя толкнул?

— Сказал, что это его собака, — Медведь скривил губы.

— И у тебя хватает совести его бить? — снова рявкнула матушка.

— Дети дерутся — дело обычное, ты, взрослый человек, не вмешивайся, — тетя Ли была недовольна, ее драгоценному внуку досталось, и ей было жаль его.

— Я бы и не вмешивалась, но если не остановить — двое на одного, да еще и без меры — вы потом не жалуйтесь, если что-то случится, — улыбнулась матушка, повернулась к Фу Ицзэ, осмотрела щенка, а затем, наклонившись к Фу Куню, прошептала: — Сражался ты хорошо, но ужина сегодня не получишь. Я с тобой еще разберусь!

Тетя Ли ворча уволокла Медведя домой. Остальные тоже разошлись готовить ужин. Только теперь матушка погладила Фу Ицзэ по голове:

— Как зовут щенка?

— Дюсю, — Фу Ицзэ перестал плакать, но глаза оставались красными, и он ответил с тревогой.

— Дай-ка тете посмотреть, — матушка взяла щенка на руки. — Лапка ушиблена, но ничего

страшного, заживет. Откуда он у тебя?

— Подобрал, — Фу Ицзэ опустил голову.

— Давно? Где прятал?

Фу Ицзэ замолчал. Он не знал, какая судьба ждет этого подобранного щенка. Он принес его, дал кров и еду, но можно ли продолжать в том же духе — неизвестно.

— Месяц где-то, — сказал Фу Кунь. — Он все свои яйца отдавал Дюсю.

Фу Ицзэ удивленно посмотрел на брата, округлив глаза: он-то думал, что хорошо скрывал, а Фу Кунь давно всё знал.

— Почему ты не сказал мне? — спросила матушка.

— Ты же говорила, что мы больше не будем держать животных, — почесал затылок Фу Кунь. — А Ицзэ так его полюбил, что если б ты выгнала, что тогда?

— Ицзэ, ты хочешь оставить Дюсю? — матушка вернула щенка в руки мальчику.

Фу Ицзэ посмотрел на матушку, долго колебался, опустив голову, а потом кивнул.

— Значит, оставим, — она похлопала его по плечу. — Я говорила: ты мой сын. Если что-то случится — всегда говори, мы всё сможем обсудить.

— Я тоже сын, — вставил Фу Кунь, — а мне кролика завести нельзя было?

— Принесешь кролика — разрешу завести, — отмахнулась матушка.

— Я... — вздохнул Фу Кунь.

— Пошли домой ужинать, — матушка повернулась и пошла к подъезду.

Фу Ицзэ так и стоял с собакой на руках, опустив голову. Фу Кунь дернул его за рукав:

— Пошли.

Фу Ицзэ поднял взгляд на спину матушки. Только когда она почти скрылась в подъезде, он вдруг сорвался на плач и растянул:

— Ма-а-ама...

Это слово подействовало как заклинание: Сяо Шудинь застыла на месте. Спустя мгновение она обернулась, подбежала к Фу Ицзэ и крепко обняла его:

— Ох, мой хороший! Мой сыночек!

— Мама... — Фу Ицзэ закрыл глаза, закинул голову и зарыдал в голос.

Фу Кунь стоял в стороне и видел, что на глазах у матушки выступили слезы. Ему стало даже немного обидно. Когда он спросил матушку, когда же он впервые назвал ее «мамой», та даже не вспомнила и не выглядела такой взволнованной. А тут Фу Ицзэ — и она плачет! Повернувшись, он с удивлением обнаружил, что Сунь Вэй, всё это время стоявший столбом, тоже вытирает слезы. Он не мог поверить своим глазам.

Он помахал рукой перед лицом Сунь Вэй:

— Эй, это моя мама, ты-то чего реवेशь?

— Так трогательно же, — Сунь Вэй потер глаза.

— Иди ты домой, трогательный... — подтолкнул его Фу Кунь.

Единственный плюс от этого «мама» для Фу Куня был в том, что за ужином матушка забыла о своем обещании «разобраться». Более того, она приготовила целую кастрюлю свинины в красном соусе — всё мясо, что было дома на неделю, сварила. Даже Дюсю досталась порция.

Фу Кунь наелся до того, что живот стал круглым, и лежал на диване, потирая его.

Единственным опечаленным был батюшка: Ицзэ назвал маму мамой, а его продолжал называть дядей.

— Ицзэ, так называть неправильно. Мы с мамой — муж и жена, если ты так обращаешься... — батюшка искренне пытался поговорить по душам.

Фу Ицзэ молчал, а Фу Кунь посмеивался:

— Дядя Фу.

— Ицзэ, давай называй папой? Не хочу я, чтобы мы с мамой были в разных категориях.

Фу Ицзэ долго смотрел на свои пальцы, а потом тихо произнес:

— Папа.

— О! — обрадовался батюшка, подхватил его на руки и закружил. — Ох! Ох!

— Пап, — позвал и Фу Кунь.

— Что? — откликнулся батюшка.

— Ничего, — вздохнул Фу Кунь. — Пошел уроки делать.

После того как Фу Ицзэ начал называть их родителями, Фу Кунь почувствовал, что в их доме наступил Новый год. Но не успел он насладиться этим состоянием и пары дней, как матушка вспомнила про свой должок.

Дерзость учителю, прогулы, драки.

За всё это Фу Куня наказали: он должен был час стоять в автобусном парке рядом с большой черной собакой. Через час стояния лицо у него посинело. Хотя собаку и привязал сторож, она не сводила с него глаз, и Фу Куню казалось, что каждый ее взгляд — это укус.

Вернувшись домой, он даже от Дюсю шарахался — волосы на руках вставали дыбом. К счастью, места в квартире было мало, и батюшка соорудил для Дюсю клетку, поставив ее за дверью.

Фу Ицзэ каждый день после школы гулял с Дюсю во дворе, и всякий раз, когда им встречался Ло Ци, он крепко прижимал щенка к себе.

<http://bllate.org/book/21935/2278932>